

ОКТАБРЬ 1896г.

31 октября 1996 г.

ХРОНИКА

В Археологическом обществе, во вторник, 29-го октября, состоялось заседание русского отделения Императорского Русского археологического общества под предводительством С.Ф. Платонова. Сделали сообщения С.В. Рождественский («О служних землях»), С.Ф. Платонов («Как сложилась территория опричнины») и **Н.К. Рерих** («Раскопки последних лет в курганах Водской пятины»). <...> Н.К. Рерих познакомил собрание с результатами им произведённых раскопок, являющихся продолжением археологических разысканий покойного Л.К. Ивановского.

Новое время. 1896 г. 31 октября/ 12 ноября. № 7428.

Н.К. Рерих. Землекопы. [1890-е].

1897 год.

ЯНВАРЬ

14 /26 января 1897 г. «Мировые отголоски», № 13.

Р. Изгой

ОЧЕРК РУССКОГО ХУДОЖЕСТВА В 1896 ГОДУ

Развитие и увеличение числа художественных выставок обыкновенно прямо пропорционально развитию общего интереса к искусству и, чуть-чуть было не сказал, вкуса. Не знаю, повышается ли и развивается ли у нас художественное чутьё, любовь к искусству, а может быть по каким-нибудь другим, более прозаичным мотивам, но художественные выставки с каждым годом растут и множатся. Это дело хорошее и давно желанное, остаётся только сказать: дай им, Боже, неустанно расти большими да умными, и тем приятнее, даже обязательнее в конце года подводить итоги, следить за отношением качества к количеству, за образом мысли художников, какими элементами пополняется их дружина, нет ли новых стремлений?

Ответы на эти вопросы дадут вещественные знаки деятельности художников: картины, эскизы и этюды, которых петербуржцам за год пришлось пересмотреть от трёх до четырёх тысяч. Много это или мало?

- Само собой, мало! - восклицаете вы, представляя себе Россию и Петербург, как центр её, и сопоставляя в этом отношении хотя бы с нашими друзьями, французами.

- Много, ой, ой, много! - вероятно, сокрушается кто-нибудь, вспоминая о потраченном времени и, пожалуй, расходах на это непроизводительное удовольствие; ведь шутка ли сказать, 12 выставок - извольте-ка их осмотреть! Чтобы облегчить эту жертву, и в то же время искусство поощрить, приходится делать выбор между выставками, так что едва ли будет крупная ошибка, если на Петербург положить примерно 5000 обывателей, посетивших все выставки. Я говорю о Петербурге и петербуржцах не потому, что на нём русское искусство всецело клином сошлось, а ввиду существующего в художественном кругу мнения, что для триумфа русскому художнику надо симпатии и любовь только Петербурга; допустим, что это так.

В таком случае попробуем в крупнейших чертах восстановить в памяти выставки прошлого года и на случай отыщем каталоги. В них, наверно, найдутся подчёркнутые имена, забытые крестики, минусы, заметки: «сочно», «худо», «много настроения».., а поймай вас тогда на этом слове: «Что такое настроение?»

- Это, это вообще... только чувствовать можно, - так и не скажете, что оно такое, тем не менее, некоторые думают, что с настроением называются картины, где вообще нечто тёмное; другие догадываются, что для настроения необходим вечер, - только он один сообщает настроение; третьи, в сердцах, почему-то не замечают его, утверждают за достоверное: настроения, мол, никакого нет, его выдумали декаденты в оправдание своей мазни.

Относясь к акварельной выставке в Академии художеств, первым делом надо помянуть прекрасные акварели покойных профессоров А.Д. Кившенко и Гоголинского. Альб. Бенуа щегольнул прекрасной техникой; Хренов и гр. Муравьев дали обыкновенные свои охотничьи сцены; г-жа Бём идёт по известной дороге, и при её таланте не мешало бы попробовать свернуть немножко в сторону - ведь не заблудилась бы. В. Маковский выставил несколько хороших акварелей. Каразин, Бобров, Лагорио, Александровский - всё чересчур известно. У Гефтлера очень талантливые этюды, широко и вкусно. Попытался было Соломко дать акварельную картину (Caius Caesar Caligula), но вышло как-то «худо», а в своих иллюстрациях к «Руслану и Людмиле» он до того не проникся духом сказки, что без каталога нельзя было допустить какого-либо отношения этих банальных композиций к «Руслану». Из небольшой серии хороших иностранных акварелей вспоминается «Уборка сена» Жюльена Дюпре. Во всяком случае, на акварельной выставке глазу было на чём отдохнуть.

На сменившей акварельную обычной академической выставке самой большой по размерам и сюжету была картина Симова «Св. Филипп», как слышно, удостоенная на берлинской выставке этим летом второй медали. Странный казус произошёл с г. Симовым; отнюдь не допускаю предположения, чтобы тут было замешано что-либо кроме простой случайности, но его «Св. Филипп» слишком напоминает суриковскую боярыню Морозову. И потом, у центра картины, св. Филиппа, лицо было какое хотите, но не «светлое», как объясняет автор, цитируя Карамзина: «Филипп с лицом светлым, с любовью благословлял народ». Другой московский художник, г. Рерберг, дал солидную размерами картину «Илья Муромец и нахвалыщик»; какой именно психологический момент имел художник в виду, осталось совсем неясным, стало очевидным только, что художнику чужд дух и стиль наших былин и что не всякий старик, одетый в кольчугу, шишак и посаженный на битюга, может олицетворять наиболее ясно очерченный былинами тип Ильи Муромца. Работая в этом направлении, можно искать или психологического момента, или же общего настроения - ни того, ни другого не было в картине г. Рерберга. Московские художники по неизвестной причине не хотели смешиваться с остальными и развесили об этом соответствующие надписи (московские художники); но, не обусловленное каким-либо определённым основанием, это обособление вряд ли могло доказать что-либо.

Вернувшийся из-за границы пенсионер старой Академии г. Порфиоров выставил огромную картину «Сердце сокрушено», размеры которой совсем не соответствовали содержанию, заграничное декадентство наложило печать на его живопись: жёлтое небо, красочные, неуравновешенные облака и однообразное письмо мастихином, подходящее далеко не ко всякому месту. Портрет государя императора работы Репина понравился мне более по *plein air*'у, пейзажной задаче. Антокольский почему-то повторил давно знакомых «Нестора летописца» и «Иисуса Христа». Стыдно должно быть г. Бакаловичу - ещё несколько подобных упражнений, и художник навсегда в нём погибнет. Надо вспомнить о хороших пейзажах Крыжицкого и Орлова, о выразительной скульптуре Залемана и об успехах офортов В. Матэ. Можно было также ознакомиться с большой посмертной выставкой симпатичного А.Д. Кившенко, со случайно собранными работами Матейко и с интересными произведениями почти незнакомого нам финляндского художника Эдельфельта, обыкновенно экспонирующего в салонах.

Положение академической выставки ещё не выяснено, с введением нового устава (1894), с водворением в Академии передвижников, на первый взгляд, казалось бы странным существование академической выставки наряду с реакционной к ней передвижной; они должны были бы слиться, но до сих пор они обе существуют по-прежнему, причём характер академической ещё не определился, что-то бродит, и, судя по разным хорошим начинаниям, надо надеяться, скоро оформится, но когда и как?

Ввиду грядущего 25-го юбилея передвижная выставка имеет особый интерес. Уже в продолжение нескольких последних лет замечалось как-то колебание в этих выставках. Словно связующие основы пошатнулись, прежняя определённая физиономия начала утрачиваться, не обещая ничего нового, хорошего. Люди, любящие принципы передвижных выставок, с трепетом ожидали кризиса, и вот прошлогодняя выставка доказала, что стяг передвижников по-прежнему незыблем, что пульс бьётся, крови достаточно; чувствовалось что-то задорное, радостное. Как жизненны и проникнуты чувством портреты Серова и пейзажи Левитана. Правда, говорили, что у Серова волосы как войлок, а у Левитана - мазня. Да что ж с выписанных волос, если не будет души? Что из приличных пейзажей, стоя перед коими не чувствуешь того радостного чувства весны, порыва к природе, который даёт «Последний снег» Левитана.

Прелестна по задушевности небольшая картина Архипова «Обратный». Касаткин даёт чёрно написанную, но прочувствованную картину «Углекопы. Смена». Талантливы картины Светославского и Коровина. Жизненная картина Пастернака «Перед экзаменами» - студенты. Прекрасны, немного объективны этюды Дубовского. Нестеров взял оригинальный мотив и своеобразно разработал его: два монаха, «Под благовест», направляются в церковь.

При передаче света отличалась работа г-на Шильдера «Храм огнепоклонников», написанная по заказу Нобеля для Нижнего, где она почему-то значительно проигрывала. Хочется не забыть об этюдах Сурикова к «Покорению Сибири Ермаком», «Кавказ» - Васнецова. Киселёва, Шишкина и много других имён приходят на память, и умолчать о них кажется несправедливым, это свидетельствует об общем высоком уровне выставки, вполне заменившем отсутствие отдельных, особо выдающихся произведений, - значит, товарищество не коснеет и по-прежнему бодро идёт, как говаривал покойный И.Н. Крамской «вперёд, вперёд без оглядки».

Не могу решить, такова ли уж атмосфера в Академии, или по чему другому, но как-то не хватало воздуха, душно было ходить по IV выставке Общества санкт-петербургских художников. Какое-то щемящее чувство, как при виде спокойно ждущего смерти человека, охватывало на этой выставке: всё апатично, вяло. Можете себе представить моё положение: напрягаю память, чтобы вспомнить наиболее выдающиеся произведения, и тщетно, кроме г. Берко-са и Штембера. Между тем, возьмёшь каталог и видишь массу знакомых имён, при усилении же вспоминаешь много хороших, вполне приличных вещей: Кондратенко, Галкин, Писемский, Сергеев, Мещерский, Лагорио, Вельц, Маймон, Казанцев... ого, как много! Нет, Бог с ним, с этим обществом, сердце у него как-то плохо работает, а нервы уж очень крепки.

Упоминание о выставке первого дамского художественного кружка, несмотря на многие её достоинства и участие известных художников, всё же, пожалуй, странно будет наряду с передвижной и академической выставками.

Почти в то же время открылась выставка, по каталогу значащаяся как «III выставка картин. 1896. Невский пр., № 27-18», а в обиходе известная под названием сперва выставки «отверженных», потом «независимых». Начало этой выставки было положено два года тому назад группой художников, обиженных академическим жюри, так что объединяющим основанием являлась чисто внешняя сторона: общая обида на Академию и желание всё-таки, во что бы то ни стало познакомить публику со своими произведениями. Понятно, что при таком положении дел не может быть и речи об общем направлении выставки. Единственно крупной величиной здесь является г. Ционглинский; что про него ни говорят, а с ним приходится считаться, - его из ряда не выкинешь.

Я не решаюсь судить о выставке картин и этюдов В.В. Верещагина; я слишком уважаю этого одного из крупнейших художников; вероятно, задача в данном случае была не по нём, и среди много хорошего немало было недостойного его.

Новый устав Академии художеств, которому Совет её, к его чести, старается сообщить жизнь, удерживаясь по возможности от буквы, переродил и ученические выставки, открывающиеся на годичном акте 4-го Ноября. После ученических выставок старой Академии, с их заученными композициями (не эскизами, не сочинениями, а именно композициями, сопропо - складываю, составляю), Андреями и Алексеями натурщиками, выставка работ учеников мастерских в 1895 году поразила своей новизной, а в прошлом, 1896 году вполне подтвердила, что не новая метла чисто метёт, а что в Академии начинается хорошая жизнь, при известном объединении могущая определить русскую школу; потому-то и можно смело говорить об этой выставке рядом с выставками «больших» художников. Меньшая братия в некоторых отношениях превзошла старшую, большую - не часто приходится видеть столь жизнерадостные, свежие воспроизведения природы, 6 живописцев получили звание, двое, кроме того, посылаются Академией за границу. Основанием выставки служат две мастерские Репина и Куинджи. Самой обширной по количеству учеников должна считаться мастерская профессора И.Е. Репина - из его учеников посылаются за границу г-н Щербиновский, человек талантливый, со вкусом; от него можно ждать приятных для глаз произведений. Другой ученик этого профессора, г. Браз, получил звание за превосходные портреты. Остальные работы учеников этой мастерской состоят почти исключительно из этюдов и подчас такой антихудожественной природы, что вряд ли целесообразно её выставлять. - (Мало ли что для себя сработает художник?)

Другой большой по числу работ, и к тому же более осмысленной, является пейзажная мастерская профессора А.И. Куинджи; впрочем, её нельзя назвать специально пейзажной, так как наряду с многочисленными пейзажами встречаются задачи современного и исторического жанра. Так, ученик этой мастерской г. Кондауров получил звание и послан за границу за огромную историческую картину «После тризны, у могилы скифского вождя», исполненную чувства и настроения. Г-жа Педашенко получила звание за поэтичную картину «Первый жаворонок», кроме того, за пейзажи выдано ещё два звания. Г. Борисов привёз большую коллекцию этюдов Крайнего Севера, сделавшую бы честь любому крупному художнику. Очень хорошо поставлена скульптурная мастерская профессором Беклемишевым. При беглом обзоре нельзя остановиться на мастерских Кузнецова и Маковского, по их незначительности. В общем же обилие работ и высокое совершенство технической стороны отте-

няло слабое выражение стороны внутренней. Очень интересно знать: о чём думают молодые художники, наши будущие носители искусства? Не могут же люди, живущие третий десяток лет на свете, иметь в виду одну форму.

Может быть, я не понимаю задач архитектуры, но, рассматривая бесконечный ряд работ, кроме превосходной, детальной техники, иной раз до некоторой степени выдержанного стиля, ничто не останавливало; не заметно было чего-нибудь смелого, увлекательного. Должно ли быть различие между Институтом Гражданских Инженеров и архитектурным отделом Академии художеств?

«Он выставлял в салонах... Он бывал в салонах»... При таком отзыве невольно проникаешься уважением к такому человеку; салоны для русаков, не умудрённых Господом побывать там, являются чем-то мифическим, так как по каталогам, несмотря на хорошее издание, нельзя судить об оригиналах. Велика была моя радость при известии, что салоны воочию можно будет видеть у нас дома; но на этот раз ликование было преждевременно: состав французской выставки оказался случайным и дал возможность судить лишь об одной стороне, а именно - о французской школе, и в этом отношении нам надо брать пример с наших друзей. Скульптура французов безупречна. Дерзкая, неосуществимая мысль приходит иногда в голову: что, если бы нашему правительству познакомить нас с французскими салонами во всём их составе, не выбирая картин; какое бы огромное значение мог иметь этот сюрприз для русского искусства!

Не обошлась выставка и без декадентских и импрессионистических произведений, равно как и голландская, на которой можно было убедиться, насколько свято поддерживаются голландскими художниками старинные традиции. Хороши офорты у голландцев - свободные и сочные.

Японская выставка, имеющая специальное значение, смотрелась с интересом, причём нельзя не признать большого вкуса японцев, этих природных символистов, сказывающегося в самих работах и в фотографиях.

Малое число попыток исторической живописи на выставках за последнее время дало повод к основанию Московского Общества Художников исторической живописи, по почину г. Карелина. Помнится, между людьми, из-за деревьев леса не видящими, были разговоры, что под председательством г. Карелина вряд ли образуется что-либо полезное для искусства, но мысль поддержать падающую у нас историческую живопись симпатична и заслуживает полного одобрения. Жаль, что до сих пор эти выставки, по уставу передвижные, не могут добраться до Петербурга. Устав этого общества сам по себе не оставляет желать лучшего; но устав ведь только мех, способный вместить какое угодно вино; кажется, приложение к его делу нашими историческими художниками не соответствует его целям. Господа Карелин, Матвеев, Зейденберг, Яковлев, Тюменев, Перминов и другие не прибавят ничего к русской исторической живописи; задачи её им совсем чужды. Первое место на выставке принадлежало г-ну Семирадскому, его «Греческой семейной сцене». Уже знакома петербуржцам картина Ционглинского «Мария Потоцкая». «Клеопатра» г. Порфирова - прекрасный этюд женского тела, только почему это Клеопатра? «Московская улица до Петра Великого в праздничный день» и «Сидение царя Михаила Фёдоровича в его государевой комнате» Рябушкина, бывшая на предшествовавшей выставке, - вещи сильные, производящие впечатление,

между тем «Тип купеческой семьи XVII века» почти переходит известную границу художественного чутья, дальше идти уже некуда.

Там же была посмертная выставка, к сожалению, пережившего себя, богато одарённого таланта М.О. Микешина, но *de mortuis...*¹ и интересные мозаики первой частной русской мозаичной мастерской архитектора А.А. Фролова. Все мозаики исполнены так называемым венецианским способом «наизнанку», в отличие от, может быть, более художественного, но дорогого римского способа «прямого набора», практикующего в мозаичном отделении Академии художеств. Задача исторической выставки, повторяю, симпатична, равно как и предполагавшиеся исторические выставки для народа, разговоры о которых замолкли, надо надеяться, лишь на время.

Из областных выставок надо иметь в виду московские: периодическую и ученическую, хотя специальное обозрение будет излишне, так как большая часть имён и работ известны по выставкам Петербурга. Нестеров, Левитан, Сергеевич, Досекин, Выезжев - по передвижным выставкам, Щербиновский - по академической 1895-го года, Штемберг - по выставке Общ. Петерб. худ., Мавлявин - по академической ученической 1895-го года. По основным элементам характер периодических выставок близко напоминает передвижную.

На Московской ученической немало хороших работ. Также были или будут известны столицам лучшие вещи одесской (Общество южнорусских художников) и киевской (Общество киевских худ., и Общество люб. худ.) выставок. Талантливы и широки по размаху и фантазии, как говорят, были на выставке Киевского общества эскизы Катарбинского, известного по работе в Киевском соборе.

Этим собором было сказано уже не всероссийское, а всемирное слово искусству; имена художников, не пожалевших, несмотря на не всегда благоприятные обстоятельства, труда и энергии для колоссального дела, не забудутся, даже если бы не были вырезаны на доске в соборе. Хотя собор, отнюдь, не проиграл бы, если бы Сведомский имел в виду общую задачу стиля.

Уже давно знакомый по фотографиям и эскизам, что в Третьяковской Галерее, вошёл я в собор с твёрдым намерением спокойно, по-английски, осмотреть все уголки, но едва успел переступить порог, как должен был забыть о своём решении: грандиозный образ Богоматери, шествие в рай, Пророки, иконостас, Страшный суд, Крещение Руси, стильные фрески, сплошь покрывающие стены, убили всякую систему в образе. Честь и слава Васнецову Виктору Михайловичу, Нестерову, Сведомскому и Катарбинскому!

Много ожесточённых споров возбудил в прошлом году художник Врубель своими панно для Нижегородской выставки «Микула Селянинович» и «Принцесса Грёза». Действительно, они были не разработаны, слишком дерзки по исполнению, с трудом понятны, но, во всяком случае, говорили о большом таланте г. Врубеля. Одно ему надо помнить, что на таком способе исполнения останавливаться нельзя, что субъективность, хотя неперемное качество художника-творца, но доведённая до непонятности (для большинства), должна быть поставлена ему только в упрёк.

В сущности, 1896-й год должен бы быть памятным для русского искусства - Нижегородская Промышленная и Художественная (заметьте: и художественная, - значит, искусство занимало большое место, составляло как бы по-

---

¹ De mortuis aut bene, aut nihil (лат.) - О мёртвых или хорошо, или ничего (посл.). - Ред.

ловину её) выставка должна была обозреть русское искусство, уяснить задачи его, дать тон дальнейшему росту его. На деле же вместо обзора вышла какая-то неожиданная ревизия русскому искусству, все петербургские выставки, пополненные немногими известными произведениями, ничтоже сумняшеся, перекочевали в Нижний. Передвижники, при высоком уровне прошлогодней выставки, имели на это основание. Не могут оправдаться этим же Общество Петербургских Художников, Академия и акварелисты. Если вещь остаётся у художника, то это ещё не повод помещать её на Всероссийской выставке, имеющей всемирное значение. Единственной новостью является отдел финляндских художников. Ярким примером скверных последствий увлечения символизмом могут служить картины г-на Акселя Галлена «Conceptio artis» и «Probleme» (ничего кроме смеха не возбуждающая), а между тем г. Галлен человек талантливый, как это можно видеть по выставленным тут же сильным «Айно» и «Сампо» (из «Калевалы»). Вещи Эдельфельта были и на академической выставке.

Аксель Галлен. Сампо (Из «Калевалы»). 1896.

В картинах финляндцев чувствуется что-то напоминающее французов - впрочем, это понятно, так как многие финляндские художники получают художественное образование в Париже. В отдельном павильоне была выставлена большая картина профессора К. Маковского «Минин».

Просмотрев, таким образом, ряды художественных произведений прошлого года, можно бы предположить, что течение русского искусства довольно спокойно и в некоторых струях невозмутимо, если бы не одно начинание, на которое надо крепко надеяться, ждать от него живого слова - я имею в виду открывающуюся в помещении Общества поощрения художеств выставку попыток свободного творчества по инициативе И.Е. Репина. Мысль смелая и новая; подобная выставка может (не знаю, как выйдет на деле) дополнить наше понятие «картины», послужить возражением на упрёки в недостатке содержания, упадке творчества, сочинения, за последние годы тяготеющие над русским искусством и возрастающие вместе с развитием творчества этюдного, также свидетельствующего о таланте художника, имеющем огромное значение, хотя всё же несравнимого с творчеством сочинения. Надо только радоваться быстрому совершенству технической стороны, без которой всякая кар-

тина представляет одни благие начинания и немислима сама художественная работа, но нормальный рост одной половины организма как бы подчёркивает болезненно-ослабленную деятельность другой.

Это ещё полгоря, дело в том, что и серьёзные технические задачи, где бы художник действительно добивался чего-нибудь, горел, желая сказать своё, сравнительно редки. На 4000 художественных произведений петербургских выставок не слишком ли велик процент посредственных, приличных, имеющих в виду одну только продажу, которым, не шутя, начинаешь предпочитать какой угодно бред символистов и декадентов.

Относительно очень значительного числа художников напрашиваются два предположения: или они имеют в виду одно ремесло, или боятся дать свои мысли на общий суд, словно в ожидании пинка сверху, не смеют заглянуть через соседние головы, поискать новой дороги; точно опасаются, не растаяли бы их крылья от взглядов, совершенно забывая, что *qui ne risqué, ne gagne rien*², что как бы их взгляды и мысли ни были новы и оригинальны, раз они не будут противоречивы логике и этике, то всегда найдутся люди, способные понять их речь; иначе же своею боязливостью они создают искусству несовместимые с ним рамки.

Не хотят художники подумать, что общество - высший суд, что не сегодня, так завтра хотя часть его, может быть, в начале даже бессознательно, отзовётся и воздаст должное твёрдому, искреннему слову, будет благодарна художнику, попросит его стать между ней и природой, быть её толкователем, научить смотреть на неё его глазами.

«Чего же это ещё от нас хотят? Что же нам прикажете писать?» - спросят художники.

«Я уже знаю, - каждому своё».

*«...Слух же душевный сильнее напрягай и душевное зренье.
И как над пламенем грамоты тайной бесцветные строки
Вдруг выступают, так выступают вдруг пред тобою картины.*

- обращается к художнику граф Алексей Толстой.

*...Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нём есть сочетаний и слова и света».*

- У, какое старое и всем неизвестное начал говорить!

- Старое-то, государи мои, старое, но...

Мировые отголоски. 1897. 14/26 января. № 13.

---

² Кто не рискует, ничего не выигрывает (фр.) – ред.

ФЕВРАЛЬ

24 февраля 1897 г.

ПО ПОВОДУ V ВЫСТАВКИ КАРТИН С. ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА ХУДОЖНИКОВ (открывшейся 24-го февраля [1897 г.] в залах Академии наук)

«Блещут огнями палаты просторные.
Музыки грохот не молкнет в ушах.
Нового года ждут взгляды притворные,
Новое счастье у всех на устах.
Душу мне давит тоска нестерпимая,
Хочется дальше от этих людей...»

Вспомнились мне почему-то строки Апухтина, когда я спускался по нарядной, красиво декорированной растениями лестнице, с выставки С.-Петербургского Общества Художников; может быть, потому, что настоящая выставка действительно вызывает похожее щемящее чувство. Если на прошлогодней Академической выставке слышались немаловажные упрёки по адресу И.Е. Репина за портрет Государя Императора, то, что же после этого можно сказать про портрет работы г. Галкина, с предыдущим, Репинским, совершенно несравнимый.

На выставке экспонаты многочисленны, между тем выделить из них лучшие, право, не решаешься; приходилось указывать на г. Беркоса, впадающего теперь в красочность, г. Степанов, хотя и большой мастер, но всё же, пожалуй, придёт к печальным результатам, г. Штемберг в портретах как бы остановился на известном пределе. В остальных же двух с половиной сотнях произведений или постыдное искание, или тупое, самодовольное успокоение на том или другом шаблоне, не видно самого дорогого в искусстве, не чувствуется оригинального, субъективного художника, такое «нет» глубокого, свежего порыва, стремления к какой-либо художественной цели, что и суда на эти картины быть не должно (один же из экспонентов хотел схорониться за известными именами, в пышных фразах известивши, что писал картину, пользуясь: Погодиным, Срезневским, Ходаковским, Самоквасовым, Котляревским, Калайдовичем и «летописными и другими документами», на картине, к горю, не отразившимися).

Можно бороться с грубостью, с неясностью, с ошибкою, хорошо, когда есть, чему помогать, а в данном случае всё спокойно, прекрасно, тихо да гладко – ни сучка, ни задоринки, - остаётся только печалиться, сознавая всю бесполезность советов. Много на выставке анемичного, косного, ещё раз доказывающего, насколько шатким и незначимым основанием для общества художников является лишь принцип совместного торга, да пребывание или тяготение к тому или иному центру.

Помнится, года 3 тому назад я расспрашивал: во имя чего выдвигается новый стяг? Какое слово в искусстве думает сказать эта дружина? И никто не мог мне ясно охарактеризовать художественного основания Петербургского общества. Чудесно, когда собирается группа художников и других к себе приглашает: милости просим с нами искусству служить; у нас, мол, «несть ни Эллин, ни Иудей, ... ни раб, ни свобод, но всяческая» ... для данного случая тут должна быть точка, потому что, как известно, далее следует «и во всех един Бог», а именно этого основного единого Бога не имеют в себе общества, подобные Общ. Петерб. Художников, и отсутствие единой, объединяющей живой силы – горячей любви к прогрессу искусства, мертвит, сушит и нагоняет тоску на их выставках.

Впрочем, да не подумают из моих слов, что на эту выставку совсем идти не стоит. Нет, пожалуйста, идите, и вот почему. Во-первых, *la critique est aisée, mais l'art est*

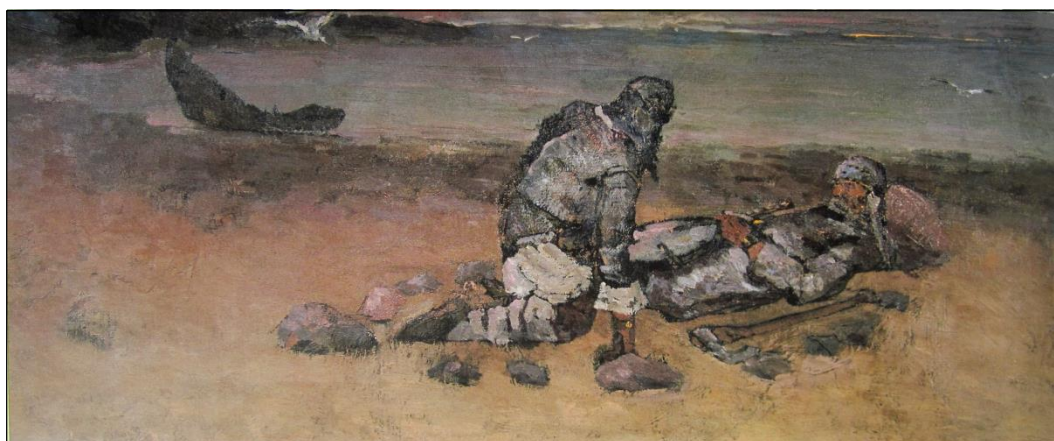
difficile³ (и мне, может быть, укажут на некоего пастора, который говорил, что за проповеди он получает столько-то талеров, а за применение своих слов к делу не возьмёт и вчетверо); во-вторых, мне не понравилась ни одна картина, вам же могут понравиться несколько, и вы окажетесь, к моей зависти, в несравненно счастливых условиях; в-третьих, чтобы заслуженно оценить хорошее, выдающееся, надо знать худое и посредственное. В-четвёртых, если вспомнить, при каких условиях писались многие картины, какие надежды возлагал художник на своё Богом обиженное, убогое детище, сколько труда и хлопот ему стоило добиться хотя бы только этих укоров, то, право, как-то неловко становится... Нет, господа, ходите по всем выставкам; ведь вы читаете только личные взгляды таких же людей; ими нельзя руководствоваться, на слово им верить не следует. С ними, как в беседе, только можно сверять своё собственное мнение, сверять, не соглашаться, спорить, возражать; вот это-то для искусства и дорого!

Это его фильтрует и вперёд двигает!

Боримир Н.⁴

И.К. Рерих. На чужом берегу. 1897. Эскиз к одноимённой картине.

И.К. Рерих. На чужом берегу. 1897.

³ Критиковать легко, творить трудно. (фр.) – Ред.

⁴ Один из псевдонимов И.К. Рериха. – Ред

ГРАМОТЫ

Архивные документы выучили и старорусскому письму. Язык летописей тоже скоро запоминается. Иногда письма складывались под стиль грамот. Стасов ими очень забавлялся. После того, как в[еликий] князь Владимир и гр[аф] И.И.Толстой выжили Куинджи из Академии, была написана длинная былина. Она широко разошлась в списках. К картине «Сходятся старцы» была написана целая былинная присказка. Она была напечатана в каталоге академической выставки. Многим она понравилась, но академические архонты и версальские рапсоды её не одобрили. Впрочем, всегда и во всем мы обходились без архонтов и рапсофов.

Один эпизод с «грамотою» едва не имел печальные последствия. Во время университетского зачётного сочинения, шутки ради, была написана «грамота» об иконописании. Случайно она оказалась при мне в Археологической Комиссии, и я прочёл её Спицыну. При этом был и Веселовский. К моему изумлению, а затем и к ужасу, «грамоту» начали читать всерьёз и даже научно обсуждать её. По некоторым выражениям нашли, что «грамота» может быть киевского происхождения. Спросили, где именно она найдена. Напечатана ли? С превеликим трудом удалось чем-то прервать опасный разговор и уйти, не обидев доброжелателей. Вспомнились Мериме и Пушкин с песнями западных славян. Вспомнился Ганка с Краледворской рукописью. Там всё было всерьёз, а в нашем случае — шутка, чуть не обратившаяся в драму. Профессора никогда не простили бы своё невольное заблуждение. Ведь в то время были особенные курганные находки: копейка вольного Новгорода XV века в руке костяка в кургане, считавшемся XI века. Были неолитические человекообразные фигурки. Были необычные балтийские янтари в неолитических тверских курганах. Была эмалевая пряжка в городище около Торжка. Всё это было ново, а тут затесалась бы несчастная «грамота», и всё испортилось бы.

И где сейчас все эти «грамоты» и записи? Диплом мой на академика был найден на Мойке. Кто знает, как он попал туда? Ведь были большие склады всяких писем, заметок, эскизов... Среди переездов не уследить за всем скарбом. Всюду что-нибудь оставалось — и в Туркестане, и в Тибете, и в Китае, и в Америке, и в Париже, и в Финляндии... Спрашивают, где многие эскизы? А кто их знает?

[1939 г.]

Рерих Н.К. Листы дневника, т. 2.М.: МЦР, 1995. Т.2

Из воспоминаний Н.К. Рериха....

«Боюсь, что письма Стасова, Горького, Григоровича, Репина не сохранились...»

«Ведь он [Стасов], так сказать, впервые ввёл меня в хранилища Публичной библиотеки, он допустил меня к сокровищам этого хранилища и поддерживал в моих первых зовах о России.

Помню нашу переписку с ним. Всегда я ему писал в виде старинных русских грамот, и он всегда радовался, если слог и образность были исконными. Иногда он отвечал мне тем же истинным слогом. А иногда добродушно подсмеивался, говоря: «Хотя Ваша пожелтевшая грамота и припахивала свежим кофеом, но дух-то её оставался русским, настоящим русским».

Помню его фельетон о моей картине «Поход», в котором он понял желанное мне, основное устремление. У Курбатова была фотография наша, снятая у знаменитого, отягчённого книгами стола в Публичной библиотеке...»

Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В.

26 Февраля 1897 г.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич!

Простуженный и расстроенный сижу дома, и не могу сам побывать у Вас. Неприятно, что сердце как-то ноет – доктор говорит, что оно в порядке, только слишком сильно работает, но ощущение неприятное. Прилагаю заметку о выставке Петербургских Художников, при покорнейшей просьбе, буде милость будет, прочтёте и, если найдёте не слишком смешной, а паче того – глупой, то направьте, пожалуйста, в «Новости», чтобы там поскорее тиснули. Имени моего им так и не говорите, пусть Боримир Надежа, что ли. Посылаю также нехитрую мою былинку про суть академического дела, когда поправлюсь, возьму её от Вас. Не было ли слухов из «Недели»? Интересно.

Сюжет «Славяне и варяги» развивается у меня в целую, так сказать, славянскую симфонию. Может быть грандиозно (12 картин), целая эпоха.

Мои родные непременно хотят, чтобы я теперь же держал бы экзамены, во что бы то ни стало. В Москву ехать не придётся. Академию окончательно решил бросить.

В ссоре Ивана Ивановича⁵с Архипом Ивановичем нужно chercher la femme – супруга Ив. Ив. постоянно, говорят, травила его за послушание и подчинённость Архипу. Я взял новый билет из Академии, чтобы через несколько времени уйти по собственному желанию, а не считаться выбывшим по постановлению Совета.

Если найдёте моё послание глупым, сейчас разорвите. Если хотите сделать приятное: напишите мне письмецо, как поступили с писанием, и вообще – рад бы был получить от Вас весточку. Всё как-то скучно. (Только письмо закрытое).

Название славянских картин:

1. Восста род на род. (Подают сигнал – гигантским костром при остроге, суетня – реку прудят – собираются).
2. Гонец. (На челне в тростнике). *)
3. Сходка. (Ночью, спешно, говорит дед, его держат).

---

⁵ Граф Иван Иванович Толстой – вице-президент Академии Художеств.

4. Гаданье. (Перед рассветом, на обрыве, над рекою, жрец, воины)
5. Стычка в бору.
6. После битвы. (Поле, вечер).
7. Победители. (Победители возвращаются в деревню. Костры. Встречают. Радость).
8. Погребение предводителя.
9. Побеждённые. (В Царьграде на рынке. Солнце. Скованные. Шкуры. Волосы.)
10. На волоке. (Варяги перетаскивают ладьи между рек).
11. Полунощные гости. (Варяги подъехали к деревне. Четыре на берегу. Собрался народ, всё больше старики да бабы. На первом плане мальчонка; услышал, что все побежали куда-то, и он захватил топор чуть не больше себя, приволочил и палец в рот. Весна. Лёд идёт. Солнце. Гуси тянут).
12. Апофеоза. (Ряд курганов. Спокойно, тихо. Они вызовут чувство старины).

Простите за грязное маранье. Разболтался – не <с> кем говорить.
 Был бы рад от Вас получить <письмо>
 Глубоко Вас уважаю и предан крепко.

Николай Рерих

Пб. 26.II.97. В.О. Университетская набереж., № 25.

Если захотите что-либо вычеркнуть в заметке, то ради Бога, не стесняйтесь.

Приписка карандашом:

1. Охота. 2. Восста род на род. 3. Гонец. 4. Сходка. 5. Гаданье. 6. Ушли.
7. После битвы. 8. Победители. 9. Побеждённые. 10. Варяги на море.
11. Полунощные гости. 12. Апофеоза.

*) Гонец. (На челне в тростнике).

Н.К. Рерих. **По реке. Гонец** (эскиз). [1996-97].

**ПО ПОВОДУ V ВЫСТАВКИ КАРТИН
С.ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА ХУДОЖНИКОВ**
(открывшейся 24-го февраля в залах Академии наук)

«Блещут огнями палаты просторные.
Музыки грохот не молкнет в ушах.
Нового года ждут взгляды притворные,
Новое счастье у всех на устах.
Душу мне давит тоска нестерпимая,
Хочется дальше от этих людей...»

Вспомнились мне почему-то строки Апухтина, когда я спускался по нарядной, красиво декорированной растениями лестнице, с выставки

С.-Петербургского Общества Художников; может быть, потому, что настоящая выставка действительно вызывает похожее щемящее чувство. Если на прошлогодней Академической выставке слышались немаловажные упрёки по адресу И.Е. Репина за портрет Государя Императора, то что же после этого можно сказать про портрет работы г. Галкина, с предыдущим, Репинским, совершенно не сравнимый.

На выставке экспонаты многочисленны, между тем выделить из них лучшие, право, не решаюсь; приходилось указывать на г. Беркоса, впадающего теперь в красочность, г. Степанов, хотя и большой мастер, но всё же, пожалуй, придёт к печальным результатам, г. Штемберг в портретах как бы остановился на известном пределе. В остальных же двух с половиной сотнях произведений или постыдное искание, или тупое, самодовольное успокоение на том или другом шаблоне, не видно самого дорогого в искусстве, не чувствуется оригинального, субъективного художника, такое «нет» глубокого, свежего порыва, стремления к какой-либо художественной цели, что и суда на эти картины быть не должно (один же из экспонентов хотел схорониться за известными именами, в пышных фразах известивши, что писал картину, пользуясь: Погодиным, Срезневским, Ходаковским, Самоквасовым, Котляревским, Калайдовичем и «летописными и другими документами», на картине, к горю, не отразившимися).

Можно бороться с грубостью, с неясностью, с ошибкою, хорошо, когда есть, чему помогать, а в данном случае всё спокойно, прекрасно, тихо да гладко – ни сучка, ни задоринки, - остаётся только печалиться, сознавая всю бесполезность советов. Много на выставке анемичного, косного, ещё раз доказывающего, насколько шатким и незначашим основание для общества художников является лишь принцип совместного торга, да пребывание или тяготение к тому или иному центру.

Помнится, года 3 тому назад я расспрашивал: во имя чего выдвигается новый стяг? Какое слово в искусстве думает сказать эта дружина? И никто не мог мне ясно охарактеризовать художественного основания Петербургского общества. Чудесно, когда собирается группа художников и других к себе приглашает: милости просим с нами искусству служить; у нас, мол, «несть ни Эллин, ни Иудей, ... ни раб, ни свобод, но всяческая» ... для данного случая тут должна быть точка, потому что, как известно, далее следует «и во всех един Бог», а именно этого основного единого Бога не имеют в себе общества, подобные Общ. Петерб. Художников, и отсутствие единой, объединяющей живой силы – горячей любви к прогрессу искусства, мертвит, сушит и нагоняет тоску на их выставках.

Впрочем, да не подумают из моих слов, что на эту выставку совсем идти не стоит. Нет, пожалуйста, идите, и вот почему. Во-первых, *la critique est aisèe, mais l'art est difficile*⁶ (и мне, может быть, укажут на некоего пастора, который говорил, что за

⁶ Критиковать легко, творить трудно. (фр.) – Ред.

проповеди он получает столько-то талеров, а за применение своих слов к делу не возьмёт и вчетверо); во-вторых, мне не понравилась ни одна картина, вам же могут понравиться несколько, и вы окажетесь, к моей зависти, в несравненно счастливых условиях; в-третьих, чтобы заслуженно оценить хорошее, выдающееся, надо знать худое и посредственное. В-четвёртых, если вспомнить, при каких условиях писались многие картины, какие надежды возлагал художник на своё Богом обиженное, убогое детище, сколько труда и хлопот ему стоило добиться хотя бы только этих укоров, то, право, как-то неловко становится... Нет, господа, ходите по всем выставкам; ведь вы читаете только личные взгляды таких же людей; ими нельзя руководствоваться, на слово им верить не следует. С ними, как в беседе, только можно сверять своё собственное мнение, сверять, не соглашаться, спорить, возражать; вот это-то для искусства и дорого!

Это его фильтрует и вперёд двигает!

Боримир Н

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

к письму от 26 февраля 1897 года.

НЕХИТРЫЙ СКАЗ ПРО БОГАТЫРЯ ИВАНИЩА И ПРО ТУГАРИНА ЗМЕЕВИЧА

Бласлови-ка, хозяин, бласлови, государь,
Нам бывальщину рассказать недавнюю,
Хорошо сказать, лучше слушати
Про матёрого Иванища- богатыря,
Про Змеевича лукавого Тугарина,
Что ни вихрь крутит по долинушке
На седой туман к земле клонится,
Как во славном стольном городе
Спohватились богомазы добры молодцы:
Что с повадкой не учестливой говорил старшой
Да с братьей мёншею.
Спohватились богомазы, хороводилсь,
Друг с другом ломались, водились,
С вечера водились до полуночи,
С полуночи до белá светá.
Натрудили горла звонкие,
Понатёрли ноги резвые,
По колена в землю приобмялися,
Словно пьяные, шатаются,
Разнести не могут гóрюшка.
(Долгий сказ про то безвременен).
Многоцветны лики не дописаны,
Не дописаны да позамазаны,
Золот'ы фонá позагажены,
Дорогá кобáльт задарма течет,
Киноварь, гляди, позасохла вся.

И пришел тут к ним стар, матёр Архип,
Говорил он зычным голосом:
«Ой вы гой еси богомазы, добры ма́стеры,
Коль слова мои вам в совет придут:
А примайте вы кисти шарные,
Расходитесь вы по гóрницам,
С превеликим тщанием писание
Киноварью лепно изукрасивте».
Горлотаны óблые не хотят идти,
Бьются – ратятся, а разумные
На заúтрие порешидли малевать – писать,
А Архип-богатырь, старчище Иванище,
В грьдню шел – думу думати
С братьей старшею – думу думати
С братьей старшею, со богáтыри.
И с самим Тугариным Змеевичем.
Собиралось ли одиннадцать богáтырей:
Во-первых был тут Тугарин Змеевич,
Во-других – Ильюшенько лукавенький,
Во-третьих – старчище Иванище,
Во-четвертых – Володимер Долгопóлистый,
В-пятых – семь братьев Сбродовичей,
Да еще ли мужики залéтане,
Чтó Змеевич скажет, то и сделают.
И какое слово было сказано!
И какое дело было сделано!
Богомазы на заутрие подошли к иконну тéрему,
А засовы позадвинуты, пудовы замки на дверях
веса́т,

У ворот ко́пья харалужные
Смертным боем того бить хотят,
Кто во терем на работу путь держал.
И поблизости птица вещая, да черный вран,
Жалобёхонько прока́ркала.
А тем временем Тугарин Змеевич
Скоро сел на ремёнчат стул,
Ярлыки писал да скоропищаты,
Ярлыки да запечатывал.
Приезжал на шйрок княжене́цкий двор.
Становил добра коня сере́дь двора́,
Проходил прямёхонько во грьдни светлые,
Не молился Спасу – образу,
Князю – Солнышку челом бил, выговаривал:
«Ой ты гой еси пресветлый стольный князь,
Ты бери-ка ярлыки да во белы руки.
Каждое словечко да высматривай».
Как вставал тут Солнышко – Владимир-князь,
С <большого> места княжене́цкого.
Брал те ярлыки да скоропищаты,

Распечатывал их скоро да развёртывал,
Каждое словечко да высматривал.
Ой ты мать сыра земля, порасступйсь!
Небеса вы, синие, раздайтеся!
Темны тучи во едино не скопляйтеся!
Богатырской силушке тошнёхонько,
Горе лютое со старым приключилося –
Поразгневался на старого Владимир-князь,
Поразгневался, да не своим умом:
Попущеньем Божьим, оговорами
Уж того ль Тугарина лукавого.
Закричал Владимир громким голосом:
«Гой вы слуги, слуги верные!
А убрать мне старчица Ив́анища.
Чтобы и дух его мне не слышался».
Отломилась веточка от деревца,
Откатилось яблочко от яблони,
От иконного терема далеко ушёл стар Иванчище
Матерой Архип, говорит себе:
«А вы дайте-ка мне, старому, управиться,
После сами мне будете кланяться!»
Не здорово, братцы, учинилося,
Помешался славный богатырский круг.
Худо, ой, придется и Тугарину,
А Плейко за него хоронится –
Быть, лукавому, побитому.
Так-то в ту пору у князя у Владимира
Не останется во тереме богатырей,
Не останется даже на семена.
Высота ли – высота поднебесная!
Глубота – глубота океан-море!
Широко раздолье – да по всей земле!

Публикуется по изданию: Переписка Н.К. Рериха со Стасовым В.В. М. Директ-Медиа. 2001 г. 67 с.

Н.К. Рерих. Нежданные гости. 1897.

МАРТ

Из архива Н.К. Рериха...

24 Марта 97. 4 часа утра
(Черновые варианты)

[СВЕЧИ ГОРЕЛИ...]

* * *

Обычный свет
Привычный рукою зажженная лампа горела,
Сверкала яркой своей позолотой
щущим

Ярким безтрепетным светом все освещалось, казалось
Яркое пламя трепещущий свет разливала казалось
Потухни они, темнота словно занавес полог

Плотно закроев глаза

Бесконечный странный занавесом затянет все безнадежно
Взоры упрется-скользнут в пустоте утопая
Полно! свечи-Источник ли света единый, могучий
Не Дрожащие, черные тени бросает вокруг?
Робко, медленно, робко-сине-лиловый рассвет
Тихонько в окошко струится.

гордым

√ Огненным блеском свечей затуманен ...
Невидный Никому не приметный, невидный-ненужный
туманный

Серый √ отсвет через шторы бросает
В холоде

Свечи горят √ но в отблеска утра новый
Тон заиграл – тепловатый, манящий
Ласковый просит штору поднять
Хочется штору поднять да и сам дорогу
Скоро пробьется через ткань. Ласковым
Светом разольется, серый туман подберет
И тверже все ярче И мало-помалу-все тверже все ярче
темный угол словно туманом

Ярче Осветит; и стол и бумагу, книг <...>
затянет

·
Все светлей и светлей... Спокойный, могучий, единый
Светоч встает, все сияет...а свечи?

СВЕЧИ ГОРЕЛИ...

Свечи горели. Яркое пламя трепетным
Светом все обливало. Казалось: потухни оно -
Темнота словно пологом, плотно закроет глаза,
~~[Бесконечной, страшной завесой затянет. Безнадёжно.]~~
Напрасно взоры скользнут, в пустоту ~~[утоная]~~.
Полно! Один ли света источник
Дрожащие, мрачные тени бросает вокруг?
Робко, украдкой сине-лиловый рассвет
Тихонько в окошко струится,
Гордым блеском свечей затуманен.
Никому неприметный, ненужный
Бросает серый отсвет.
Свечи горели. В холоде отблеска утра
Новый тон заиграл, тепловатый, манящий...
Хочется штору поднять, да и сам он дорогу
~~[Скоро пробьёт через ткани. Ласковый
Свет разольется - черный угол туманом
Затянет. Светлей и светлей... Вечный
Могучий светоч встает; все сияет... А свечи?..]~~

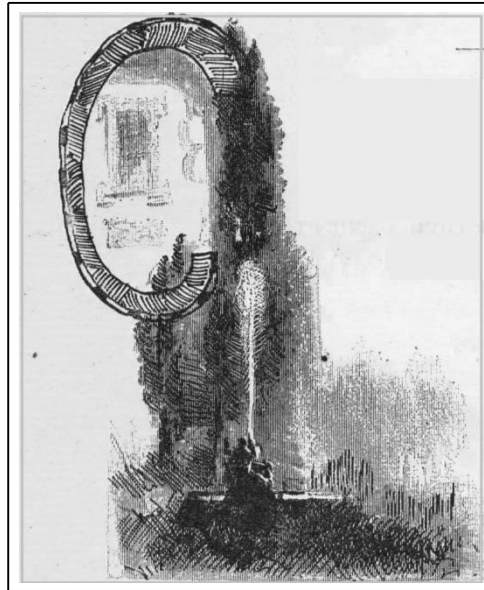
24 Марта 97. 4 часа утра

Скоро пробьёт. Ласковый Свет разли-
вается.
Чёрный угол туманом затянут.
Ярче светлый... Вечный, могучий
Светоч встаёт... А свечи?..

Сквозь тени ночные сквозит,
дорогу себе
Пробивает

Страшный полог закрывает глаза
Тёмный полог ужасный на очи
опустится

Спорит, борется с блеском
~~[блеском огненным]~~ Огня

Н.К. Рерих. Буквица «С».. 1895.

25 марта 1897 г.

СВЕЧИ ГОРЕЛИ...

Свечи горели. Яркое пламя трепетным
Светом всё обливало. Казалось: потухни оно -
Взоры скользнут в пустоту.
Тёмный полог на очи опустится.
Полно, один ли света источник?
Дрожащие тени бросает вокруг?
Робко, украдкой, сине лиловый рассвет
Тихонько в окошко струится,
Гордым блеском свечи затуманен,
Никому не приметный, слабый
Бросает серый отсвет.

Свечи горели. В холоде отблеска утра
Новый тон заиграл, тепловатый [сияющий].
Сквозь тени ночные сквозную дорогу себе
Пробивает. Спорит и борется с блеском
Ласковый свет разливается
Чёрный угол туманом затянут. ...
Ярче, светлей.... Могучий, вечный
Светоч встаёт... Всё сияет!... А свечи?

.....
25 марта 97 4 ч. Утра

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/85. лл. 7, 7 об.

31 марта 1897 г.

31 Марта 97.
Комиссия в заседании 31 Марта
1897 постановила: выдать
открытый лист.

Вход. № 385
Д. № 54/97

В Императорскую Археологическую
Комиссию.

Имею честь просить, по при-
меру прошлых лет, выдать мне
открытый лист на право производства
раскопок в 1897 году в пределах
Петергофского уезда Спб. губ.

Ученик Высшего художественного
Училища при Императорской
Академии Художеств
Николай Рерих

91 март 1897.

Адрес. В.О. Университетская набереж. №25.

31 марта 1897 г.

Комиссия в заседании 31 марта 1897 г. постановила: выдать открытый лист.
Вход. № 385
Д. № 54/97.

В Императорскую Археологическую Комиссию.

Имею честь просить, по примеру прошлых лет, выдать мне открытый
лист на право производства раскопок в 1897 г. в пределах Петергофского уез-
да Спб. губ.

Ученик Высшего художественного Училища
при Императорской Академии Художеств.
Николай Рерих

31 марта 1897 г.

Адрес. В.О. Университетская набереж. №25.

Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН в СПб.